

«СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИАГНОЗ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XXI ВВ.»: ТРЕТЬИ ЧТЕНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

20–21 июня 2008 г. в Санкт-Петербурге состоялись Третьи чтения по истории российской социологии «Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX — начала XXI вв.». Организаторами всероссийской конференции выступили Социологический институт Российской академии наук и факультет социологии Санкт-Петербургского государственного университета. Финансовую поддержку в проведении чтений оказал Российский фонд фундаментальных исследований (грант № 08-06-06049-Г).

В ходе конференции обсуждались проблемы методологии и форм социологического диагноза культуры российского общества второй половины XIX — начала XXI вв., проанализированы дискурсы о культуре российского общества, рассмотрены эволюция культурных практик в российском обществе, процессы глобализации и глокализации культуры современного российского общества. В докладах участников конференции социологический диагноз был представлен, во-первых, как способ оценивания объектов (тела) культуры, общества, власти, хозяйства, во-вторых, как средство оценки теоретических и эмпирических методов социальных исследований. Предметом дискуссий на пленарном и секционных заседаниях стали вопросы оценки потенциала российской культуры, степени ее влияния на интеграцию и дифференциацию социально стратифицированного современного российского общества, ядра культурных перемен в России начала XXI в. В центре внимания находились проблемы социологического описания, измерения, анализа традиционных и новейших социальных форм и образов культуры, содержательных инверсий сложившихся общественных типов культуры, современных альтернативных культурных проектов.

Участники Третьих чтений по истории российской социологии предложили ряд интересных подходов к решению названных задач. Благодаря активному участию компетентных участников из многих городов России и Украины удалось углубленно обсудить поставленные проблемы и задать перспективы дальнейших социологических исследований культуры трансформирующегося российского общества.

В пленарном докладе *Е.С. Баразовой* (УрГУ, Екатеринбург) была рассмотрена диагностическая функция российской социологии. В ряду функ-

ций социологии диагностическая функция занимает приоритетное место. По существу, остальные функции — описательная, объяснительная, аналитическая и др. — в своей реализации направлены на достижение общего результата, постановку диагноза изучаемому процессу, социальной системе. Назначение диагноза (греч. — «распознавание») состоит в предоставлении обществу надежной информации о его актуальном состоянии и альтернативных тенденциях движения в будущее. В докладе **В.В. Козловского** (*С.-Петербург, СИ РАН*) социологический диагноз был раскрыт как интегральная оценка культуры и общества. Социологическая диагностика и экспертиза культурных и духовных практик, форм и типов позволяет раскрыть специфические интегрирующие и дифференцирующие механизмы духовной и социокультурной эволюции российского общества. Предложена концепция социологического диагноза культуры, который выступает в качестве особого жанра социологического исследования и нацелен на: а) выявление сформировавшихся экономических, социальных и культурных доминант, определяющих смысл и дух эпохи; б) описание уникальности типов дифференциации современных обществ; в) выяснение форм и способов социокультурного взаимодействия современных обществ в условиях глобализации; г) выявление экологической симптоматики общественного развития; д) определение жизненных траекторий современного человека. Социологический диагноз является адекватным времени способом характеристики эволюции культуры, культурных практик и духовной жизни.

На первой секции обсуждались проблемы методологии и форм социологического диагноза культуры российского общества второй половины XIX — начала XXI вв. В докладе **В.В. Бочарова** (*С.-Петербург*) «Россия: “Культура” против “Цивилизации” (вопросы методологии)» были обозначены две стратегии в мировой гуманитарной мысли по отношению к социальной материи. Первая сводит ее к абстрактной субстанции, лишенной индивидуальных (этнокультурных) свойств и развивающейся по определенным законам от дикости к цивилизации — «общество» (Тэйлор, Морган, Маркс, Дюркгейм и др.). Вторая, наоборот, — к конкретным социумам с уникальными характеристиками, не подвластными общим законам развития — «культура» (Гердер, Шпенглер, Тойнби, Данилевский, Гумилев и др.). **В.И. Бочкарева** (*С.-Петербург*) рассматривала вопрос о разработке в российской социологии второй половины XIX — начала XX вв. **статуса культуры** в общей социологической теории. В противоположность господствующей позитивистской модели общества российские социологи с онтологической и методологической точек зрения относили культуру к основным компонентам социологической теории. **Р.Г. Браславский** (*С.-Петербург*) дал систематический обзор социологических образов культуры российского общества в модернизационной, цивилизационной, полиэволюционной и глобализационной парадигмах макроистории. Несмотря на различие концептуальных оснований, для социологических образов российского общества, складывающихся в ракурсе разных парадигм, могут быть выделены константные характеристики. В частности, речь идет о сформиро-

ванности преимущественно этатистского образа российской социетальной системы. Другой устойчивой характеристикой является представление о социокультурной «расколотости» российского общества. **Л.В. Малес** (Киев, Украина) критически рассмотрела примеры концептуализации социокультурного анализа в социологических исследованиях культуры общества. Современная социология, отвечая на постмодерные, феминистские, глобалистские, другие культурные вызовы, стремится произвести новые принципы, основанием которых называются постмодернистский, гендерный, социокультурный анализ. Однако при всей популярности самого термина «социокультурный» сам этот подход еще недостаточно разработан. Украинские и российские социологи все чаще обращают внимание на потенциальные возможности и эвристичность использования теоретико-методологических оснований широкой сферы культурных исследований в формировании особого «социологического вопрошания». Идеи понимающей социологии, социокультурной динамики, феноменологии, гендерного подхода и постмодернизма лишь подтверждают эту линию. **В.А. Медведев** (Екатеринбург) проанализировал основополагающие методологические тенденции развития современной социологии, а также особенности их проявления в отечественной социологической мысли. К этим тенденциям относятся, во-первых, акцентирование интереса исследователей к «человеческому измерению» общественной жизни, «гуманизация» познавательного процесса; во-вторых, парадигмальная дифференциация социологического познания, формирование полипарадигмальной идентичности современного исследовательского сообщества и, в-третьих, проявление нового, метатеоретического, уровня в структуре социологии. **М.В. Смагина** (Екатеринбург) посвятила выступление анализу социально-конструктивистской парадигмы в российской социальной науке, феномену «социального запаса знания». В частности, в трудах социальных психологов Л. Выготского и А. Леонтьева была сформулирована фундаментальная идея данной парадигмы о том, что мыслительные понятия и формы, посредством которых мы достигаем понимания мира и самих себя, — продукты исторически и культурно определяемых взаимообменов между людьми. Разнообразные, равноценные по статусу социально-конструктивистские дискурсивно ориентированные модели успешно используют в своей практике все больше психологических направлений (нарративное психотерапевтическое, арт-терапевтическое, социальный конструкционизм). **А.Г. Щелкин** (С.-Петербург) сконцентрировал выступление на проблеме поиска языка для описания современности как «современности», причин обретения имени нашей эпохи «Современность» (Modern, а теперь и Post-modern). Сущность «современности» с этой точки зрения в ее культурном, если не идейном, «эклектизме» и даже «пустоте» (Ж. Липовецки). Существует очевидный контраст между этой «деконструирующей ментальностью» постмодерна и «конструирующей интенциональностью» предыдущей, «классической эпохи». В сообщении авторов из Чебоксар (**В.С. Аbruков, Я.Г. Николаева, Д.Н. Макаров, А.А. Сергеев, Е.В. Карлович**) были предложены модели социальных явлений с помощью средств «Data Mining», ори-

гинальные методология и техника применения методов интеллектуального анализа данных (Data Mining) при анализе социальных явлений на примере анализа семейных отношений в разведенных семьях. **В.А. Бачинин** (С.-Петербург) рассмотрел альтернативные дискурсы историко-социологического россиеведения сквозь призму диады «секулярное — теологическое». Были отмечены две существенные особенности исторической теосоциологии: 1) включение в предметное пространство историко-социологического анализа религиозной составляющей; 2) рассмотрение «человека социального» как «человека религиозного/безрелигиозного». В докладе **Б.Е. Винера** (С.-Петербург) были представлены результаты социологического исследования теоретических ориентаций представителей современной петербургской этнологии. Докладчик отметил отсутствие достаточно ясной привязки исследователей к теоретическим группам, указав в качестве одной из главных характеристик идентичности исследователя не его теоретическую ориентацию, а связь с той или иной предметной областью этнологии или смежных наук. **В.П. Горюнов** (С.-Петербург) обратил внимание на культуру как фактор выживания общности. В период реформ 1990-х годов в России ее культура вместе со всей социальной сферой оказалась вытесненной на периферию общественного развития. Общественная функция культуры — создание мифа, конструирование иллюзорного мира, нормативами которого люди должны руководствоваться в реальном мире. **А.Н. Долженко** (Волгоград) рассмотрел возможности использования логики-смыслового метода П.А. Сорокина в исследовании социокультурной динамики XX в. на материале развития русской литературы. **Т.Е. Зерчанинова** (Екатеринбург) осветила тему «Методологическая культура социолога: метапарадигмальный анализ». В методологическую культуру социолога автор включает мировоззренческие и этические принципы, методологические ориентации, способы теоретической и практической научно-исследовательской деятельности, знания о методах, их разработке и применении, знания о процессе социологического исследования, его структуре и функциях, знание истории социологии и т.д. **О.Б. Леонтьева** (Самара) затронула вопрос о социальных функциях исторического знания в представлениях российских историков второй половины XIX в. На рубеже 1850–1860-х годов в атмосфере «оттепели» формируется парадигма «суда над историей», согласно которой важнейшей функцией исторического знания считалась морально-этическая оценка поступков деятелей прошлого. Она сменилась «объясняющей» парадигмой исторического познания, основанной на принципах эволюционизма и детерминизма, а затем в российской исторической науке зародилась новая, «понимающая» парадигма, ориентированная на реконструкцию «бессознательной философии» ушедших эпох, на понимание внутренней логики поступков людей прошлого (Л.П. Карсавин, А.С. Лаппо-Данилевский, Н.И. Кареев). Результатом смены парадигм стал, с одной стороны, расцвет профессиональной науки, с другой — углубляющееся размежевание между научными знаниями о прошлом и образами прошлого в общественном сознании. **И.Д. Осипов** (С.-Петербург) рассмотрел проблему аксиологии науки в русской

социологии, в частности полемику славянофилов и западников о проблеме народности науки в контексте специфики отечественной культуры и ценностных оснований познания. Славянофилы призывали преодолевать чрезмерный пиетет перед западной наукой, обратив внимание на аксиологические основания научного познания, комплексные предпосылки формирования гуманитарной науки, которые включают и традиционное сознание и культурные артефакты развития народов. Западники же исходили из принципов универсальности научного знания. *А.Л. Темницкий (Москва)* обратился к вопросу методологии историко-социокультурного анализа трудовой культуры российских рабочих второй половины XIX — начала XXI вв. Противовесом одностороннему структурно-функциональному пониманию феномена российской трудовой культуры служит социокультурный подход, уравнивающий роли социальных регуляторов и культурных практик и образцов трудового поведения рабочих. *Ю.А. Тюрина (Хабаровск)* остановилась на основных чертах активистского, или деятельностного, подхода в современной социологии и высказала идею о плодотворности его применения в исследованиях российской системы образования. *Н.Н. Цветаева (С.-Петербург)* рассмотрела возможности применения биографического метода в изучении социально-культурных изменений и охарактеризовала исследовательскую стратегию нарративного подхода как более продуктивного по сравнению с реалистическим направлением анализа биографических текстов. В рамках нарративного подхода акцент делается не на достоверности и объективности биографических повествований, а на тех субъективных повествовательных конструкциях, формулах логики, которые порождены жизненным опытом их авторов.

Во второй секции в центре внимания была тема историко-социологического анализа дискурсов о культуре российского общества. *А.Н. Алексеев (С.-Петербург)* посвятил сообщение ретроспективе первого в СССР (начало 1970-х годов) опыта качественно-количественных исследований структуры и динамики театрального репертуара как массового социокультурного процесса. Методологические идеи и методические приемы такого анализа получили развитие в систематической социолого-театроведческой экспертизе репертуара драматических театров Ленинграда, осуществлявшейся исследовательской группой «Социология и театр» при Ленинградском отделении Всероссийского театрального общества в течение 15 лет (1970–1980-е годы). В докладе *Г.Р. Асадуллиной (Уфа)* рассмотрены общие и особенные взгляды виднейших представителей русской религиозной философии: Вл. Соловьева, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, Н.О. Лосского, П.А. Флоренского — на проблему духовного начала в развитии личности в современном обществе. *Л.К. Ахметзянова (Казань)* проанализировала вопрос об индикаторах поляризации в текстах масс-медиа. С переходом страны на рыночные отношения советские граждане в короткий период времени должны были освоить целый пласт понятий, применяемых в новой для страны экономической формации. Между поколениями сформировался образовательный, культурный, ценностный разрыв. В публичном дискурсе можно

выявить индикаторы социальной, культурной, возрастной, информационной и других видов поляризации. Наиболее явная — имущественная поляризация, которая содержится в информационных посланиях рекламных кампаний. **Е.П. Баринова** (Самара) рассмотрела вопрос о влиянии социальных изменений на эволюцию самосознания дворянства в начале XX в. В основе социального поведения и мировоззрения дворянства лежали традиционные ценности, которые постепенно модернизировались, в центре общественного внимания оказывались внутренние качества личности. Смена парадигм служебного долга наиболее четко проявилась в оценке дворянами своего положения в обществе, а также сказалась на их мироощущении и поведении, кризисе идентичности на индивидуальном и на групповом уровне. **Д.С. Бразевич** (С.-Петербург) рассмотрел концепцию «организационной революции» Н.А. Витке, который еще в 1920-е годы одним из первых в истории мировой управленческой мысли обратил внимание на решающую роль социально-психологической атмосферы организации по сравнению с материально-вещными факторами производства. В ходе «организационной революции» на смену индивидуалистически авторитарной системе управления должна была прийти система коллективно-трудового сотрудничества. **С.С. Бразевич** (С.-Петербург) проанализировал социогеографическую концепцию видного русского историка и социолога А.П. Щапова (1831–1876), отказавшегося от земско-областной теории исторического развития России, в которой был учтен географический фактор, в пользу новой, физико-антропологической теории, основанной на естественно-научных законах. В докладе **О.Л. Гнатюк** (С.-Петербург) подчеркивается необходимость включения культуры в «ортогональную» структурную модель имиджа национально-государственного субъекта для анализа образа России. Проанализированы различные модели типологизации культуры и русской культуры, предложенные в российской социологии XIX–XX вв.: Н.А. Бердяева, П.Б. Струве, П.Н. Милокова, Г.П. Федотова, Ю.М. Лотмана, М.М. Бахтина, И.В. Кондакова, П.А. Сапронова, А.Н. Мосейко. Рассмотрены доминирующие мифологемы в образе России для Запада как образа «другого» («Россия — варвар», «Россия — ученик у просвещенной Европы»). Как антитеза в развенчании таких мифологем охарактеризована главная роль различных идейно-культурных направлений плюралистичной культуры Русского зарубежья в формировании в западной культуре адекватного образа России как миссия сохранения ценностей, традиций и духовного наследия русской культуры. **Н.В. Демьяненко** (С.-Петербург) проанализировал взаимоотношение категорий счастье, удовольствие и общественное развитие, выдвинутые Спенсером, в российской дореволюционной социологии. Следование принципу личного наслаждения понималось Спенсером как прогресс всего животного, так и социального мира. Российские социологи не связывали подобный процесс с общественным развитием, считая, наоборот, подобную тенденцию регрессом общества. Для российских социологов XIX столетия эффект страдания был наиболее важен, чем принцип счастья. **М.Б. Конашев** (С.-Петербург) подверг оценке эволюционную теорию и культурно-идеологическое состо-

яние российского общества второй половины XIX — начала XXI вв. Одним из показателей культурно-идеологического состояния современной России является отношение к теории биологической эволюции. Если по восприятию эволюционной теории Ч. Дарвина и ее развитию царская Россия находилась в первом ряду наиболее развитых тогда стран, включая родину Ч. Дарвина — Великобританию, то постсоветская Россия оказалась чуть ли не лидером антиэволюционной кампании в мире. **Л.А. Куприянов** (С.-Петербург) в своем докладе рассмотрел культурно-историческую концепцию К.Н. Леонтьева, выделив в ней следующие основные моменты: отрицание идеи прогресса; многовариантность развития мира (в противоположность представлениям об однолинейности развития общества); идея культурного многообразия (в отличие от идеи иерархии культур с выделением эталонных); глубокие сомнения в возможностях естественных и социальных наук (в противоположность глубокому убеждению в познаваемости мира, всеислию самой науки). Доклад **М.В. Ломоносовой** (С.-Петербург) «Социологическая публицистика в России — прошлое без настоящего...» посвящен одной из наиболее обсуждаемых проблем мировой социологии — вопросу о той роли, которую играет и должна играть социология в решении наиболее актуальных вопросов современности, а также *вопросам нравственной составляющей социологических исследований и их общественной ориентации. Эти вопросы отодвинуты на обочину развития отечественной науки. Тем не менее обращение к традициям и истории развития отечественной социологии предлагает пути и способы решения этих проблем.* **Л.В. Макарова** (Ижевск) дала анализ концепции личности в русском богословско-социологическом дискурсе, отметив ее огромное значение для будущего российской социологической науки. Такая концепция может стать связующим звеном между теологическим и социологическим знанием и дать новый импульс развитию социологической теории как знания о социальных общностях. **Т.В. Мизинова** (Москва) посвятила свой доклад проблеме влияния организационной культуры на повышение эффективности управленческой деятельности в организации.

Социологические образы имперской России в дискурсе о русской культуре были артикулированы **Б.Н. Мироновым** (С.-Петербург). В ходе двухвекового дискурса о русской культуре сконструировано два главных социологических образа имперской России — в цивилизационной парадигме культурно-исторических типов и в модернизационной парадигме. Цивилизационная парадигма акцентирует внимание на национальных особенностях, модернизационная — на главных тенденциях развития при переходе от традиционного к современному обществу. Каждая презентует Россию с особенной точки зрения, но вследствие своей односторонности дает одномерный и потому искаженный образ страны. Фактически различные ракурсы — комплементарны. И подобно тому, как три геометрические проекции одного предмета можно объединить и получить полное представление о предмете, так мультипарадигмальный подход, объединяющий особенности разных парадигм, позволяет получить многомерный, более адекватный образ

России сравнительно с теми одномерными картинками, которые дают отдельные парадигмы. **В.М. Нилов** (*Петрозаводск*) раскрыл проблему социальной идентичности и межкультурной коммуникации. Согласно его данным, современное российское общество насыщено социальными проблемами гораздо больше, нежели это было 15–20 лет назад, и они постоянно вызывают у людей тревогу и беспокойство. Социальная идентичность является одним из механизмов, помогающих в решении различных жизненных проблем и, в частности, адаптации к социальным изменениям и выстраиванию жизненных стратегий в новых условиях. **С.Н. Погодин** (*С.-Петербург*) рассмотрел социо-культурологические взгляды русского историка В.И. Герье (1837–1919), обратив особое внимание на его отношение к позитивистским концепциям общества и культуры. **Е.В. Сальников** (*Орел*) проанализировал феномен культуры современного правого экстремизма (неофашизма) как целостного социального феномена, его символику, атрибутику, культурные практики, а также пространство их социальных практик. Особое место уделяется социокультурным интерпретациям смерти, насилия, врага и соратника, народа и некоторым другим элементам неофашистской культуры. Такое устоявшееся социальное образование, как неофашистские группы, не может не обладать специфическими культурными характеристиками. **В.Е. Семенов** (*С.-Петербург*) изложил авторскую концепцию российской полиментальности отечественного искусства начиная с XIX в., в которой выражено взаимодействие базовых российских менталитетов: православно-христианского, общественно-коллективистского, индивидуалистическо-капиталистического и криминально-группового, а также эклектичско-мозаичного псевдоменталитета. Сравнению российского и зарубежного опыта изучения возникновения и эволюции феномена организационной культуры был посвящен доклад **Ю.Г. Семенова** (*Екатеринбург*). Вектором теоретико-методологического развития социологии организации, как в России, так и за рубежом, стал переход от представлений об организации как механическом, закрытом для влияния внутренней субъективности объекте манипулирования к пониманию и принятию в качестве отправной точки анализа социальной сложности и возможной непредсказуемости организационных отношений и событий. В докладе **Н.В. Серова** (*С.-Петербург*) «Хроматическая модель межкультурной коммуникации» для моделирования принципов коммуникации использована теория и методология хроматизма. Хроматическое определение интеллекта (лат. *intellectus* — «ощущение, восприятие, понимание») включает следующие значения: 1) социальность сознания (душа, рассудок, рации), 2) культура подсознания (дух) и 3) природа бессознания (тело). Все более актуальным становится обращение к культурной памяти традиционных культур, — возврат к истокам цивилизации, но уже с теми знаниями, которые дают возможность научно смоделировать и био-, и социо-, и культурные аспекты коммуникации. **Е.И. Сильнова** (*Саратов*) предложила осмысление концепта «русская идея» на основе рациональной реконструкции отечественного социально-философского наследия. Эволюция русской идеи предстает как ряд динамических изменений культурно-исторического

процесса и обращен к духовной традиции русского народа. Национальная идея славянства в догосударственный период связана с ориентацией на удовлетворение повседневной необходимости и этикой нестяжания. Сегодня национальная идея как духовный, моральный и интеллектуальный стержень русского народа столкнулась с натиском носителей другой идеи — обогащения любой ценой. Современная русская идея видится в напряженном поиске баланса между национальным и общечеловеческим. Духовно-этический, социальный и экономический аспекты понимания собственности в философии Вл. Соловьева осветил **В.Л. Синюк** (*С.-Петербург*). Анализу процессов распространения квазикоммуникаций в условиях современного общества был посвящен доклад **И.А. Федорова** и **Л.В. Красновой** (*Тамбов*). Традиционные высокие духовные ценности на сегодняшний день трансформируются в «простые» образы товаров, «картинки» национальной истории, символы и симулякры поведенческих сценариев в сериалах и «мыльных операх». Все это самым причудливым образом смешивается в современных квазикоммуникациях, порождая сотни новых морфем, которые по-своему точно отражают состояние нашего общественного сознания и духовной жизни общества.

В третьей секции предметом обсуждения были вопросы эволюции культурных практик в российском обществе второй половины XIX — начала XXI вв. **А.С. Быстрова** (*С.-Петербург*) **осветила результаты** исследований политических и экономических ориентаций элиты и населения Санкт-Петербурга, проведенных сектором социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН в 1998, 2006 и 2007 гг. В частности, был сделан вывод о том, что образы настоящего и будущего в сознании элиты и населения города не имеют радикальных различий. Хотя образ советского прошлого несколько более негативен, а образ будущего в сознании элиты более продвинут в сторону признания значимости роли демократических институтов и рыночных отношений. В докладе **Г.Д. Гриценко** (*Ставрополь*) были представлены результаты проведенного в 2006–2007 гг. социологического исследования ценностных ориентаций студентов трех ставропольских вузов. На основе анализа результатов исследования был составлен рейтинг ценностей студентов, в котором на лидирующих позициях оказались такие ценности, как образование, семья, материальное благополучие, самореализация, профессионализм. **С.В. Гузенина** (*Тамбов*) рассмотрела феномен богемы в России второй половины XIX — начала XXI в. Характерными чертами возникших в эпоху перехода к капитализму богемных союзов стали новаторство, неконвенциональность, поиск инновационных методов и форм, тяга к эстетике декаданса. В этих противоречиях раскрывается сущностная амбивалентность богемы. Очевидно, что богема, пусть неосознанно, выполняет функции воспроизводства и трансляции культуры и передачи профессионального опыта, т.е. вполне может быть признана латентным социальным институтом. Отличительная черта современной богемы — отсутствие стремления к объединению, сопричастности и общему взаимодействию. Богема перестает выполнять ряд присущих ей латентных функций, что свидетельствует о ее институциональном кризисе. **М.А. Да-**

выдова (Ростов-на-Дону) поделилась результатами исследования распространённости ценностей коллективизма и индивидуализма среди молодежи Ростова-на-Дону. Было обнаружено сохранение в молодежной среде устойчивых традиционных ценностей — ориентация на взаимодействие, склонность к социальной активности. При этом уровень индивидуализма (46 %) можно назвать достаточно высоким, так как эта ценность не является традиционной для российского общества. Увеличение индекса индивидуализма наблюдается в последние 15–17 лет. Отмечается тенденция развития конструктивного индивидуализма общественного типа, который сознательно интегрируется в группы для организации своей жизни и достижения собственных целей. **Е.А. Дегальцева** (Бийск) рассмотрела метафорические образы власти в представлении российских студентов. Были представлены результаты проведенных в течение последних восьми лет опросов студентов 1–4 курсов Бийского технологического института по разным блокам проблем. Прослежена эволюция отношения молодежи к сфере политики и, в частности, ее наиболее яркое восприятие в виде метафор. Ассоциации, связанные с властью и государством, у молодежи сливаются и дают примерно одинаковую картину, главное место в которой занимает «президент». Был сделан вывод о символической бедности современной российской политической культуры. **Л.Г. Егорова и Д.В. Туманов** (Казань) охарактеризовали процесс репрезентации этноконфессиональных отношений в региональной прессе Республики Татарстан. Дискурсы печатных СМИ Татарстана, являющегося поликонфессиональной и многонациональной республикой, в целом направлены на развитие межэтнического и межрелигиозного диалога, толерантного восприятия иных духовных ценностей. Несмотря на то что по данным исследования доля публикаций о конфессиях в общем удельном весе материалов региональной прессы невысока (не превышает 7 %), можно выделить особенности отражения этноконфессиональных отношений: формирование положительного образа республики в медиа-дискурсе. **Ю.Б. Епихина** (Москва) подчеркнула роль агиографических текстов как важных и не вполне исследованных источников сведений о трудовой этике российского православия. Анализ содержания житийных текстов способствует пониманию характерной для православия трудовой этики, представленной не просто в виде деклараций, воплощенных в канонических текстах, но в виде конкретных социальных практик. В докладе **Н.А. Завершинской** (Великий Новгород) «Советские культурные образцы в постсоветской социальной политике России» речь шла о необходимости конструирования новых справедливых правил игры в социальном пространстве современной России, способных сформировать массовые повседневные мотивации к инновациям и к обществу с новой культурой. Советское наследие, которое продолжает жить в социальном пространстве современной России, не исчерпывается явлениями этатизма, конформизма, иждивенчества, показухи и пр. На тех, «кто сделан в СССР», в значительной мере продолжает держаться российское образование и здравоохранение. **К.Ф. Завершинский** (Великий Новгород) представил когнитивные и семантические возможности анализа феномена политичес-

кой легитимности для изучения социокультурной динамики современного российского общества. Доминирующий в российской публичной риторике дискурс легитимации власти малоэффективен для актуализации декларируемого политическими элитами тренда на социокультурные инновации. Легитимация как операциональный компонент политического кодирования, который обеспечивает фиксацию смысловых предпочтений во властных коммуникациях, трансформирует политические решения в действия благодаря не некому «единству», искореняющему хаос произвола, а процедуре «включения-исключения» принуждения. **О.В. Иванова** (Чита) посвятила выступление социальным аспектам культурной дифференциации как основе гармонизации общественной жизни на примере г. Читы Забайкальского края. Культурная дифференциация находит свое выражение в многообразии жизненных стилей индивидов как представителей социальных групп, тем самым представляя культурный потенциал того или иного региона, а также задает направленность вектора развития и доминирования того или иного типа культуры. В докладе **Т.С. Коломейцевой** (Екатеринбург) говорилось об использовании «холодных» средства массовой коммуникации в PR-практике органов местного самоуправления города Екатеринбург.

П.И. Лешукова (С.-Петербург) рассказала об истории возникновения и развития социальных клубов в дореволюционной России, а также выделила некоторые проблемы исследования этого феномена в современном российском обществе. Так, в ряде случаев затруднительно определить, к какому типу относится клуб. Кроме того, в настоящее время остаются открытыми для исследователя такие вопросы: как действуют клубы, какие у них функции, что представляет собой внутриэлитное взаимодействие в данном контексте. **Н.М. Лисица** (Харьков, Украина) проанализировал межкультурную коммуникацию в рекламном дискурсе. Перспективы межкультурной коммуникации в рекламном дискурсе связаны со следующими факторами: 1) интерференцией культурных и межкультурных особенностей; 2) мониторингом вкусов и предпочтений потребителей той страны, в которой предлагается реклама; 3) изучением консонанса и диссонанса потребительских предпочтений; 4) мобильностью рекламы; 5) адаптацией рекламы в сознании потребителей; 6) выявлением рекламы, которая одинаково интересна для всех потребителей, насыщена национальными культурными особенностями и способствует развитию когнитивного сознания; 7) моделированием межкультурных универсальных рекламных дискурсов, которые требуют инвестиций, но обещают успех и прибыль в любой стране. В докладе **О.В. Лысиковой** (Саратов) были проанализированы социокультурные практики туризма российской современности и советского прошлого с выявлением элементов преемственности и новейших тенденций развития отечественного туризма в 1950–1990-е годы. Главное отличие советского туризма от постсоветского состоит в том, что первый носил социально ориентированный характер, второй — коммерческий. Сейчас складывается гибридный тип туризма, синтезирующий элементы советских и постсоветских социокультурных туристских практик. Российские граждане, путешествующие по стране и за рубе-

жом, формируют собственную идентичность через сравнение себя самих со своим прежним опытом или себя с «иными» — туристами предшествующих поколений, «чужими» — туристами других стран. Современный туризм является формой самореализации и самоутверждения человека, возникшей в синтезе индивидуальных восприятий и коллективных смыслов. Постоянство туристических перемещений стало повседневной практикой многих россиян, что влечет колоссальные экономические и культурные последствия. **Е.Н. Медведева** и **С.В. Тихонова** (*Саратов*) рассмотрели проявления и последствия экспансии электронной культуры в пространстве религиозной этики. Традиционная культура, которая издавна базировалась на господствующих религиозных ценностях, особенностях образа жизни и психологии конкретных народов, территорий, исторических периодов развития, уходит в сферу элитарного потребления, становится в силу ряда обстоятельств малодоступной значительным массам «Интернет-населения» (сложность восприятия, требование специальной подготовки, необходимость знакомства с господствующими фундаментальными религиозными основами, время). **С.А. Нифонтов** (*Екатеринбург*) обратил внимание на трудовой коллектив как условие и средство освоения молодыми рабочими современной производственной культуры, которое включает в себя профессиональное обучение, профессиональную социализацию и интернализацию системы профессионально-трудовых ценностей трудового коллектива, находящихся под неформальным контролем трудового коллектива. Неформальная структура трудового коллектива состоит из четырех слоев: элиты, члены корпорации, кандидаты в члены корпорации, «другие» рабочие. На основе анализа отношений между трудовым коллективом и молодым рабочим делаются выводы: 1. Чем выше в структуре трудового коллектива слой, в котором находится молодой рабочий, тем меньше трудовой коллектив является условием, но больше — средством освоения этим рабочим современной производственной культуры. 2. Только войдя в элиту трудового коллектива, молодой рабочий получает поддержку трудового коллектива (наиболее квалифицированных рабочих) в освоении современной производственной культуры. **Л.М. Полянова** (*Москва*) рассмотрела принципы социологической интерпретации социальной организации на рубеже XX–XXI вв. **В частности, было отмечено, что** управление все в большей степени ориентируется на социальный анализ внешней среды организации, социальное планирование и управление на основе социальной диагностики внешней и внутренней среды организации. **А.В. Родионова** (*С.-Петербург*) проанализировала социологические подходы к анализу рекламных сообщений как фактору социокультурных изменений. **П.А. Сафронов** (*Москва*) очертил содержание культурных практик российского академического сообщества, которое тяготеет к тому, чтобы превращать наращивание символических ресурсов в самоцель. Научно-образовательная деятельность тем самым редуцируется к совокупности практик, призванных закреплять и подтверждать положение в символической иерархии. Некоторые такие дискурсивные образы-практики были рассмотрены в докладе. Сделан вывод, что российское академическое

сообщество представляет собой контрмодернизационный анклав, в котором отсутствуют независимые начала внутренней самоорганизации и что таким механизмом может служить особая академическая этика.

В выступлении **О.В. Сергеевой** (*Волгоград*) обобщены исследовательские идеи об изменении повседневности под влиянием телевизионной технологии. На основе устных историй первых поколений советских телезрителей разработана топографическая модель домашнего пространства, интегрировавшего «голубой экран». Где и как ставили телевизор, какие вещи и мебель появлялись вокруг — анализ этих фактов позволяет понять социальный смысл технологии. Обращение к истории и изображение топоса дома человека-телезрителя кажется важным для понимания культуры, трансляция текстов которой осуществляется экранным способом. **С.Л. Скорынин** (*Самара*) рассмотрел проблему маргинальности с точки зрения современной культурной ситуации в России, дал обзор основных подходов маргиналистики как пограничности, культурных феноменов либо как периферийных видоизменений господствующей (официальной) культуры или субкультур, либо как противостоящих ей особых полей контркультур. Сложность современной российской ситуации заключается в отсутствии единой, целостной господствующей культуры. Она расположена в структуре общества неравномерно и весьма мозаично среди других (субкультурных и контркультурных) элементов. Она потеряла право быть монопольной и четкой идентифицирующей точкой для нормы и отклонений от нее. В качестве иллюстрации рассуждений приведен пример сегодняшней молодежи России. **И.В. Соснина** (*Саратов*) показала влияние миграционного дискурса в средствах массовой информации на характер межкультурных коммуникаций. Отмечено, что миграционная проблематика в средствах массовой информации освещается в контексте этнических конфликтов, проблем терроризма, международной преступности, демографических проблем. Подобный характер репрезентации миграционных процессов способствует созданию образа современной миграции как сопутствующего элемента негативных социальных явлений. **Т.И. Сулова, А.В. Савченко** (*Томск*) тематизировали Интернет-фольклор как форму коммуникации, актуализации традиционных форм культуры. Современная культура способна обеспечить преемственность, используя содержание функционировавшей в предшествующие эпохи устной и печатной культуры. Некогда определявшее культуру устно-зрительного пласта содержание распространяется по каналам печатных и технических средств современной коммуникации, которые являются для культуры этого типа косвенными. Содержание, свойственное традиционным устно-зрелищным формам культуры, может быть ассимилировано современной культурой. В процессе урбанизации возрождение некоторых угаснувших форм становится актуальной практической проблемой. **С.А. Троицкий** (*С.-Петербург*) предпринял попытку описать современную культуру с точки зрения исходной для ее носителей установки, отношения к окружающему миру, воплощаемого в социальной жизни индивидов. **А.В. Федоров** (*Таганрог*) поделился результатами опроса 57 педагогов из различных средних школ г. Таганрога об их отноше-

нии к сценам насилия на телевизионном экране. В докладе **К.Г. Фрумкина** (Москва) о социальной дисфункции современного искусства обосновывался тезис о том, что в обществе, свободном от централизованно навязываемых пристрастий, эстетическая и социально-коммуникативная функция литературы начинают работать в противофазе. **С.В. Цирель** (С.-Петербург) **остановился на теме** «Сталинская урбанизация и советский город». Массовая урбанизация обычно трудный период для любого общества (во многом именно с этим явлением связано распространение авторитарных и тоталитарных режимов в предвоенной Европе), но сталинская урбанизация была особо разрушительной, ибо, как правило, деревню в первую очередь покидают те, кто хочет ее покинуть (т.е. наименее успешные и, наоборот, самые успешные, кому «тесно» в деревне). Сталинская урбанизация (коллективизация и индустриализация), наоборот, выбросила из деревни крестьян, в наибольшей степени привязанных к земле. **Т.И. Черняева** (Саратов) обратила внимание на вопросы туризма, потребления, имажинарного гедонизма. Консюмеризация туризма возникает тогда, когда стандартизация услуг плавно перетекает в стандартизацию впечатлений и опыта, когда институциализируется однообразный и неизменный «туристический дискурс», сопряженный с особым лиминоидным состоянием, инсценировкой и имажинарным гедонизмом. **А.Н. Шеремет** (Москва) обратился к проблематике российского кино и социологии кино. В предложенном социологическом смысле в истории отечественного кино условно выделяются следующие основные периоды: 1) становление кино как зрелища (1908–1920 гг.); 2) триумф советского киноавангарда (1921–1930 гг.); 3) торжество «социалистического реализма» (1931–1955 гг.); 4) «кинооттепель» (1955–1968 гг.); 5) кино периода развитого социализма (1969–1985 гг.); 6) «киноперестройка» (1986–2002 гг.); 7) ренессанс зрелищного и авторского кино (с 2003 г. по настоящее время). Выделение социологом кино каждого из предложенных периодов имеют несомненную ценность, значение и актуальность для современных исследователей и практиков. **Е.Е. Эпштейн** (С.-Петербург) дал анализ стереотипов, влияющих на негативное отношение россиян к африканцам. В качестве источников для исследования использовались разнообразные российские печатные издания. Негативное отношение некоторой части россиян к африканцам невозможно объяснить угрозой социо-экономическому благополучию россиян со стороны африканцев (из-за небольшой численности последних в российском обществе). Поэтому конфликты и противоправные действия коренных россиян против африканцев, проживающих в России, следует рассматривать через призму социально-психологических факторов и стереотипов. **А.Г. Янков** (Чита) рассмотрел культурные различия между двумя субэтническими группами бурят: усть-ордынскими и агинскими. Эти различия касаются прежде всего вектора культуры по направлению к традиционности или модернизационности. При этом любопытно отметить, что при всей своей традиционности агинские буряты достаточно успешны в экономическом отношении (сельское хозяйство).

В четвертой секции обсуждались проблемы глобализации и глокализации культуры российского общества. *Р.Н. Абрамов (Москва)* предложил социологическую реконструкцию волн массовизации/демассовизации российской культуры в XX в. Стандартизованная массовая культура создает тотальный социальный универсум в национально-государственном масштабе. В рамках массовой культуры формируются основные ценностные ориентации, коллективные чувства, стандарты поведения, стили, мода. Одним из главных результатов исследования стала оригинальная периодизация волн массовизации культуры и общества на протяжении XX в. *Э.А. Байков (Уфа)* в сообщении об информационных технологиях как факторе становления общества постмодерна подчеркнул положение о том, что вне этого информационного поля уже не может происходить большинство процессов — политических, культурных, социальных. В итоге становятся подвластны мнению и оценке СМИ даже процессы, происходящие в экономике и природе. Безграничность информационного поля делает достижения культуры достоянием миллионов людей, одновременно создает мощный инструмент для манипулирования их сознанием.

В выступлении *Т.П. Беловой (Иваново)* «Этноконфессиональная идентичность в условиях глобализации» была отмечена значимость изучения проблемы идентичности и усиления влияния этничности и религиозности как локальных культурных факторов в современном социуме. На основе анализа официальных социальных программ различных конфессий, представленных в России (РПЦ, католицизма, протестантизма, ислама, иудаизма), были раскрыты их концептуальные подходы в отношении этноконфессионального взаимодействия. *Т.В. Гаврилюк (Москва)* рассмотрела мировоззренческие основания и идейных истоки глобального молодежного движения «dark-культуры», сделав вывод о том, что она является современным воплощением декадентства. *С.И. Голод (С.-Петербург, СИ РАН)* провел сравнительный анализ четырех этнически окрашенных любовных культур — «романтической», «прагматической», «гедонистической» и «интимной». Средства массовой коммуникации и Интернет, глобализационные процессы сделали невозможным сохранение в неприкосновенности обычаев, нравов и ценностей этнической культуры. Определяющим в новой ситуации становится выбор актором — относительно автономным от социума — меры согласованности природного «каркаса» со становящимися социокультурными нравами. Неординарность задачи нахождения сексуальной идентичности подтверждается многообразием гетеросексуального поведения нового поколения. *О.Ю. Голуб (С.-Петербург)* рассмотрела коммуникации как фактор устойчивого развития поликультурного общества. В докладе *В.П. Засыпкина (Сургут)* был поднят вопрос о глобализационных и антиглобализационных тенденциях в высшем образовании современной России и Европы. Показано, что, в согласии с позицией Э. Гидденса, глобализация в образовании — это сложное сочетание противоположенных процессов, развивающихся по противоречивому сценарию. В этой связи под антиглобализмом в образовании понимается движение, идущее в разрез единым требованиям эпохи, символом которой стало Болонское соглашение.

Н.Р. Маликова (Москва) в докладе «Методология социокультурного анализа полиэтничного российского общества» предложила методологические принципы этносоциологического анализа: этнической дополнителности, этносоциальной и социокультурной автономности, самосохранения этносоциальной жизнедеятельности, этнофункционального дистанцирования, доверительности и др. В докладе **Е.В. Николаевой** (Москва) проанализирована проблема конструкции и деконструкции традиции в современной культуре. Выделены несколько способов рекламного конструирования «традиции»: присвоение истории, историзация повседневности, мифологическая ритуализация повседневности и кросскультурное смешение. Существенной чертой современной «традиционности» становится все возрастающая симулятивность самих исторических артефактов, от которых зачастую остается лишь внешняя семантическая оболочка, вплоть до полной деконструкции социокультурных смыслов традиции в целом.

Доклад **Д.П. Кондраль** (Сыктывкар) посвящен проблематике развития политических ценностей россиян в современной России. Автор рассматривает причины, замедляющие формирование правовой демократической культуры российского социума. **А.М. Паликова** (Чита) раскрыла тезис о культуре виртуальной реальности как проявлении информационного общества. Под воздействием информационной технологии формируется новый тип культуры — «культура виртуальной реальности». Этот тип культуры по-своему содержанию и структуре включает в себя не только культуру индустриального общества в виде элитной, народной и массовой культур, но и различные субкультуры, а также информационную культуру с такими ее элементами, как экранная, компьютерная культуры и культура Интернет.

Н.Н. Покровская (С.-Петербург) рассмотрела возможности использования мультикультурного подхода на примере глокализации культуры местного самоуправления в странах Европы и России. Если в странах англо-саксонской цивилизации индивидуалистско-рыночная ориентация формировалась веками, если в средиземноморской культуре общинная логика исторически включает ответственность за местный порядок, то в российской современной культуре постепенно преодолевается унаследованная от советского периода надежда на государство и формируется новая норма активной позиции в управлении своей жизнью, своим домом и районом, что выражается в оформлении эксплицитных образцов поведения, основанных на готовности к активным действиям и на стремлении к достижению мирных договоренностей со всеми участниками. **В.Д. Попков** (Калуга) наметил направление анализа культурно-исторических конструкторов в современном российском обществе на основе выявления различий между ценностными основаниями советской и зарубежной русской культуры. Были выделены основные линии рассогласования культурных систем русского зарубежья и современной России: историко-политические линии рассогласования, религиозные «несовпадения», различные взгляды на непрерывность культурного наследия. Налицо парадоксальная ситуация, когда акторы (особенно это касается современной России) полагают, что находятся в условиях одной и той же

культуры, не подозревая, что речь идет фактически о двух культурах, имеющих различную информацию об одних и тех же вещах и по разному интерпретирующих одни и те же события и имеющих различные культурные символы и различных героев. **Е.В. Строгоцкая** (С.-Петербург) предложила тему эволюции корпоративной культуры университетского сообщества. Феномен организации общинной и корпоративной культур подтверждает своим существованием общий диагноз глокализации, диффузности и децентрации, поставленный современной культуре. В контексте реализации социологией диагностической функции проблема организационных культур может рассматриваться в двух ракурсах: во-первых, с точки зрения оценки продуктивности социологического подхода в сравнении с социально-антропологическим и социально-психологическим в диагностике организационной культуры как предмета исследования; во-вторых, с позиции индикативных возможностей организационной культуры для оценки состояния социальной системы, института. **Н.Ю. Сурова** (Саратов) рассмотрела социально-экономические и технологические аспекты глобализации культуры российского общества. Глобализация как процесс стремительного формирования единого общемирового культурно-информационного пространства на базе новых, преимущественно компьютерных, технологий определила создание единого мира межкультурных коммуникаций. В результате изменением нашего сознания занимается не национальная идеология, а практически каждый PR-отдел, занимающийся продвижением своей продукции. Технологии этого изменения в условиях генной инженерии позволяют использовать технологии непосредственного изменения человека. Превращение в лучший бизнес формирования сознания — это революция, при этом единство рынка обеспечивает всеобщность и небывалую остроту конкуренции, которая из механизма воспитания и развития слабых стран превратилась в механизм их уничтожения.

Л.М. Хиженяк (Харьков, Украина) обратилась к теме «Глобальное и локальное в денежной культуре постсоветских стран на рубеже XX–XXI вв.». Обоснована идея перевода денег в плоскость социальных технологий, что обогащает практику управления социальным поведением индивидов и групп. Этому способствуют относительная самостоятельность денег и их способность к самовозрастанию во времени; универсализация денег; осознание необходимости обучения индивидов технологиям управления своим финансовым поведением, знанию принципов денежных отношений, умению разграничивать денежную и неденежную связь между людьми, т.е. умению строить социальные связи, как опосредованные, так и не опосредованные деньгами. **С.А. Храпов** (Астрахань) посвятил выступление теме социокультурных оснований деструктивной динамики ценностных ориентаций общественного сознания постсоветской России. В результате вестернизации общественного сознания постсоветской России были «усвоены» многие деструктивные установки западного мировоззрения, что значительно усугубило кризис идентичности. Стремление быстро перестроить общественную жизнь и систему общественных ценностных ориентаций по западному

образцу привело не только к игнорированию исторических темпоритмов России, но и к ряду деструктивных последствий, в частности к антропологическому кризису. **К.О. Черняева** (*Саратов*) затронула проблему культурной идентификации в условиях глобализации. Перформативный и интерпелляционный характер идентичности поддерживается Интернетом. В случае анонимной коммуникации на сцену выходит теневая идентичность, обнажающая латентные качества и характеристики субъекта. Интернет используется как доступ к неограниченным возможностям самопрезентации и открытия себя для других. Выделены три типа репрезентации идентичности по соотношению к теневой и социальной (формализованной) идентичности: конгруэнтный, неконгруэнтный, фальшивый.

Заявленная на Третьих чтениях по истории российской социологии тема социологического диагноза культуры российского общества вызвала большой интерес у участников конференции. Для широкого ознакомления с результатами исследований по данной проблематике было решено осенью 2008 г. подготовить и издать сборник аналитических статей.

Р.Г. Браславский, В.В. Козловский